

Юлия Макарова

*Обратный
отсчёт*

16+

Юлия Михайловна Макарова

Обратный отсчет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23806831

SelfPub; 2018

Аннотация

Когда перед тобой закрывается одна дверь, то всегда открывается другая – в этом убедилась доктор Анна Горелова на собственном примере. А все началось с аварии на дороге...

Обратный отсчет

Надо же было такому случиться! Нет, ну просто нарочно не придумаешь – автобус взял и сломался буквально в двух шагах от города! Анна Сергеевна Горелова в очередной раз посмотрела в окно. Картина там была неприглядная, да и что можно красочного увидеть за окном сломанного автобуса в ноябре месяце, когда снег еще не лег на землю, не скрыл черноту холодной земли, не украсил белыми шапками темные деревья, плотной стеной обступившие дорогу. Там, за большим квадратным стеклом, было холодно и тоскливо. Анна глянула на часы. Три часа, начало четвертого. Стоим уже минут пятнадцать. Если еще задержимся, то скоро начнет темнеть, хотя и так не очень-то рассветало. Анна грустно усмехнулась. Она не любила ноябрь именно за эту хмурость, промозглость и какую-то пустоту, что непременно поселялась в душе в это время. Вроде бы и живешь так же, ничего такого, из ряда вон выходящего не происходит, но, видимо, почти полное отсутствие солнечного света, каковое неизменно сопутствует этому осеннему месяцу, наводит такую тоску, что порой выть хочется.

В салон заглянул водитель, копавшийся до сих пор где-то на улице, и на вопросы пассажиров ответил, что поломка

серьезная, задержка рейса продлится еще неизвестно сколько. Народ недовольно заворчал, некоторые взялись за телефоны, явно намереваясь добраться до дома за счет вызванного транспорта знакомых и родственников. Анна в очередной раз посмотрела на часы. Сиди, не сиди, а время идет. Муж Игорь вчера уехал в командировку, вернуться обещал только в понедельник. Дочь Любаша уже не маленькая, восемнадцатый годок пошел с апреля, но Анна, уезжая вчера вечером к родителям в соседний поселок, обещала вернуться после обеда. Дочери она, конечно, доверяла, но хоть небольшой контроль со своей стороны считала не лишним. Да и самой, если честно, хотелось отдохнуть, ведь выходные у нее, как у врача-анестезиолога одной из городских больниц, далеко не всегда выпадают именно на привычные для всех субботу и воскресенье.

Несколько особо нетерпеливых пассажиров встали со своих мест и направились на выход. Анна тоже поднялась. Сиди, не сиди, а время идет, скоро стемнеет, да и в сломанном автобусе начнет холодать. Надо попробовать уехать на попутке.

Машина около Анны остановилась довольно быстро. Мужик в надвинутой на лоб кепке глянул хмуро и вообще оказался немногословным. Но ей это было на руку, говорить не хотелось ни с кем и ни о чем. Настроение уже бы-

ло подпорчено сломанным автобусом и потерянным временем. Да и серый день тоже радости не прибавлял. Анна смотрела на дорогу, лишь иногда поглядывая в боковое окно на быстро мелькающие темные деревья. Встречных машин было немного, большинство наоборот ехали обратно в город – выходной день подходил к концу, люди возвращались из пригорода.

– Ну, лети! – Анна обернулась к водителю. Он молчал всю дорогу, и, внезапно заговорив, вывел ее из задумчивости.

– Вы это кому?

– Да вон, звезда полетела! – хмыкнул мужик и мотнул головой в бок, одновременно чуть свернув ближе к обочине. Игорь всегда так делает, когда пропускает идущую на обгон машину.

И тут же на довольно приличной скорости их обошла ярко-красная иномарка. Анна успела заметить только плечо сидевшего на пассажирском месте мужчины и тонкую женскую руку на руле. Она усмехнулась. Судя по всему, водителем иномарки являлась какая-то молодая особа. Машина резво помчалась вперед и исчезла за поворотом.

Вскоре они проехали большой перекресток, и Анна

невольюно расслабилась – слава Богу, почти приехали! Она помнила, что до города отсюда осталось чуть меньше десяти километров, а это значит, что через полчаса она уже будет дома.

– Авария что ли? – Водитель вглядывался куда-то вперед. На противоположной стороне дороги метрах в трехстах стояло несколько машин и небольшой автобус, какие-то люди возле них все как один смотрели в сторону придорожных кустов.– О, да это же наша звезда! Долеталась, похоже!

Анна успела заметить красную иномарку, неловко уткнувшуюся в большой куст. Двое мужчин спускались с дороги к ней. Кто-то уже заглядывал в салон. Стоявшие на обочине женщины, качая головами, что-то обсуждали.

– Хорошо шла, вон насколько нас опередила! – констатировал водитель попутки.

В голове у Анны моментально пролетела куча мыслей. Перед глазами встала только что уведенная картинка – изящная женская рука, держащая руль, мужчины, склонившиеся к открытой двери машины. Что с людьми, ведь их там было как минимум двое? Насколько все серьезно? Голова сразу же заработала в чисто профессиональном русле.

– Остановите! – Анна решительно схватилась за сумку.

– Зачем? Чего там глазеть? – невозмутимо ответил мужик. – Терпеть не могу, когда люди попусту толкуются. В чем там интерес? Там спецы нужны, а не зрители.

– Остановите машину! Я врач! – Анна полезла в сумку.

Водитель посмотрел на нее с удивлением и только потом повернул к обочине.

– Денег не надо. – Он опередил Анну, заметив, что она собирается открыть кошелек. Теперь уже Горелова с удивлением глянула на водителя. – С каждым может случиться, не дай Бог. – Уже каким-то миролюбивым тоном добавил он, – Вы только не подумайте, что я такой бессердечный, просто на самом деле не люблю, когда люди на чужую беду просто поглазеть хотят.

– Спасибо! – очень искренне поблагодарила Анна и поспешила к месту аварии.

С дороги земля казалась ровной и сухой, на самом же деле ноги Анны, как только она стала спускаться в канаву,

тут же провалились в едва подмерзшую сверху грязь и траву. Возле машины уже стояло несколько человек, затрудняя к ней подход.

– Пропустите меня, я врач! – решительно потребовала Горелова.

Мужчины расступились. Перед Анной предстала вся нерадостная картина. В раскрытую дверцу была видна женщина, неловко откинувшаяся на водительском сиденье. Длинные черные волосы закрывали часть ее лица. Левая рука висела вдоль тела безжизненной плетью.

Чуть в стороне от машины на какой-то коряге сидел мужчина, возле него стояла женщина в белой куртке. Анна глянула на него и почувствовала, что в груди недобро кольнуло.

– Игорь?! – она бросилась к мужчине. – Игорь, ты?! Что ты здесь делаешь?! Как ты?! Что с тобой?!

Анна упала перед мужем на колени. Он вздрогнул и медленно понял голову.

– Где болит, скажи! – требовала она от него.

– С мужчиной вроде все нормально, вы девушку лучше посмотрите, – сказала одна из женщин. – Она, говорят, не была пристегнута, ей больше досталось.

– С тобой точно все нормально? – Анна пыталась встретиться взглядом с мужем, но он почему-то отводил глаза в сторону. – Игорь, посмотри же на меня!

Муж, наконец, медленно повернул к ней голову. И то, как он посмотрел на нее, заставило Анну невольно откачнуться. Таким виноватым и потерянным взглядом смотрит на вас брошенная собака. Он первым не выдержал и отвел глаза. Анна нахмурилась, глянула в сторону машины. Что он вообще тут делает, почему Игорь здесь, как оказался в этой машине?! В мозгу как-то сами собой стали складываться отдельные кадры только что увиденного: лихо идущая на обгон иномарка, ухоженная молодая девушка, неловко запрокинувшая голову в салоне той же машины. Муж отводит глаза, как нашкодивший мальчишка... Анна медленно поднялась с колен, и, даже не обращая внимания на испачканные брюки, пошла к машине. В груди ее словно вырос тяжелый ком и стал давить, причиняя тупую боль.

Девушка была без сознания. На лице видимых повреждений не было, но, судя по высоте, с какой летела ее машина до встречи с кустами, удар при столкновении должен

был быть существенным. Возможно, поврежден позвоночник. Анна констатировала все это машинально, едва приблизившись к машине. Какой-то мужчина в коричневой кожаной куртке уже склонился над девушкой и проверял пульс на ее шее.

– Не трогайте ее, у нее может быть поврежден позвоночник. – Анна заговорила решительно. – Дайте, я посмотрю.

Мужчина обернулся.

– Вы кто?

– Я врач.

– И я врач. – Он выпрямился. – Я хирург и потому могу сделать некоторые выводы о характере травм. Позвоночник у нее точно пострадал, и мне не нравится вот это кровотечение, – он показал рукой в салон.

Анна заглянула в машину. Правая нога девушки была явно повреждена – брючина от середины бедра уже набухла от крови.

– Скорее всего, перелом бедренной кости, только бы не была задета артерия. Скорую уже вызвали?

– Вызвали. Но нужно остановить кровотечение. Перелом у нее точно есть, даже под рукой кость прощупывается. Вы тоже хирург?

– Анестезиолог. – Анна бросила взгляд в сторону мужа. Её коллега это заметил. – С мужчиной все нормально, он просто в шоке, я смотрел. Нужно будет проверить на сотрясение, но это уже в больнице. А вот здесь нужна хотя бы аптечка.

Спустя несколько минут они уже довольно слаженно оказывали девушке первую помощь. Работать с нею, сидящей в машине, было неудобно, но трогать ее они все же не стали. Хирург распорол ей брючину, и стала видна рваная рана на бедре. Кость не торчала наружу, но хорошо прощупывалась. Им пришлось накладывать жгут и марлевую повязку, чтобы хоть как-то приостановить кровотечение. В какой-то момент девушка стала приходить в себя, веки ее чуть заметно дрогнули, она глубже вздохнула и застонала.

– Смотрите за ней, следите, чтобы она резко не двигалась! – Скомандовал мужчина и стал набирать в шприц лекарство. В его машине кроме привычной аптечки оказалась еще одна, где набор медикаментов был более обширным, из чего Анна сделала вывод, что этому человеку такие ситуации привычны.

– Вы, я смотрю, весьма подготовлены, – заметила она.

– Сила привычки, – усмехнулся он, вводя лекарство.

– «Скорая» едет! – Крикнули с дороги.

Анна подошла к мужу. Он уже поднялся на ноги, но на нее глянул так же виновато.

– Почему ты здесь? – холодно спросила она.

– Так получилось.

– У тебя точно все в порядке?

– Да.

– Тебе все равно надо в больницу. – Горелов не ответил. – У тебя может быть сотрясение.

– Я в порядке.

– Хочешь, я поеду с тобой?

Игорь глянул на жену, отрицательно покачал головой. С

тревогой посмотрел в сторону разбитой машины. Анна перехватила его взгляд.

– Если тебе это важно – она будет жить. – Сухо произнесла она и пошла к врачам.

Аннин коллега кратко, но весьма точно описал состояние пострадавшей. Принесли носилки и после осмотра осторожно положили на них девушку. Подошли к Игорю. Поговорив с ним немного, направились к машине «скорой», он пошел следом. На «неотложке» вспыхнули сигнальные огни, и она полетела в сторону города, увозя пострадавших. Анна все так же стояла возле иномарки, с каким-то непонятным даже для самой себя равнодушием глядя ей вслед. Казалось, что в «скорой» увезли не ее мужа, а просто чужого человека. Похоже, в их жизни случилось что-то такое, что перевернет теперь все с ног на голову. Возврата к прежнему уже не будет. На душе стало совсем пусто, и теперь виной тому был не хмурый ноябрьский день.

Подъехали полицейские. Спустя еще несколько минут народ начал понемногу разъезжаться.

Хирург вернулся к Анне.

– Если в город, то могу вас подвезти.

Она не сразу сообразила, о чем он говорит. С трудом вынырнув из пелены задумчивости, Анна повернулась к мужчине.

– Что?

– Тут теперь и без нас обойдутся. Если вы в город, то могу подвезти, коллега. – Он улыбнулся.

Анна впервые внимательно посмотрела на него. Мужчине было на вид лет сорок с небольшим. Рост чуть выше среднего, довольно плотного телосложения, но без пивного животика. Короткая стрижка, черты лица совершенно обыкновенные, даже можно сказать приятные. На подбородке свежий тонкий порез – скорее всего от лезвия бритвы. Темные глаза смотрят на нее с легким прищуром.

– Спасибо. – Машина, везшая Анну, давно уехала. – Пожалуй, мне придется воспользоваться вашим предложением. Мне сегодня вообще не везет с транспортом. – Мужчина кивнул, приглашая к машине, и они пошли на дорогу.

– Что ж так?

– Да вот как-то так... Сначала автобус сломался, села на

попутку. Увидела аварию, попросила остановить. Теперь вот опять безлошадная.

– Ладно, сейчас поправим вашу ситуацию. Должны же черные полосы кончаться, верно?

Анна нахмурилась. Её черная полоса, похоже, только начинается.

К счастью, хирург оказался человеком неболтливый, по дороге они почти не разговаривали. Так, перекинулись парой общих фраз. Да и сам путь до города был уже совсем короткий, и, спустя минут десять, Анна Горелова вышла из машины.

До ее дома можно было доехать на маршрутке, да и мужчина предложил ее довезти, но Анна предпочла пройтись пешком. Загаданный ею план вернуться домой пораньше, и переделать кучу дел, рухнул. Случилось кое-что такое, о чем надо было хорошенько подумать. Дома Анну встретит дочь, но посвящать ее во все эти дела раньше времени не хотелось, и не стоило. Сначала нужно во всем как следует разобраться самой. Прежде всего, надо взять себя в руки и все хорошенько обдумать. Можно, конечно, предположить, что она ошиблась, что в машине Игорь оказался случайно. Он сказал, что вернется из командировки в понедельник. Может

быть, что-то изменилось, и муж спешил вернуться домой пораньше. Проголосовал на попутку или коллега предложила подвезти. Предположить можно что угодно. Но то, как Игорь посмотрел на Анну, как вообще он прятал от нее глаза, говорило о том, что на самом деле все не так просто. Если у него есть какие-то отношения на стороне, то бейся не бейся, а пока они не поговорят с Игорем, придти ни к чему нельзя. Странно, но сейчас осознание неверности мужа причиняло не боль, а скорее обиду. За что? Что она сделала не так? Почему он так поступил? После двадцати двух лет совместной жизни они конечно не испытывают тех чувств, о каких принято писать в романах. Да и раньше Анна с Игорем не очень сюсюкали друг с другом. Между ними было нечто большее (по крайней мере, ей до сегодняшнего дня так казалось), чем просто обожание друг друга.

Поженились Анна с Игорем, будучи студентами медицинского института. Вместе прошли через труднейшие девяностые, когда вдоволь насиделись без денег, настоялись в очередях, пытаясь «отовариться» по талонам сахарным песком, макаронами и другими такими простыми товарами, что сейчас на них даже и внимания не заостряешь. У них выросли замечательные дети – сын Артем и дочь Любаша. Сын в прошлом году женился и жил сейчас в Московской области, работал на крупном заводе. Дочь училась в одиннадцатом классе и по его окончании собиралась уезжать к брату,

чтобы поступить там в институт. Сами они были еще молоды и полны сил, у обоих была интересная работа: Анна была врачом-анестезиологом в городской больнице, Игорь уже два года владел частной аптекой. Живи, как говорится, да радуйся. Но не все, оказывается, бывает так хорошо и просто, как хотелось бы...

– Мам! – Анну окликнул звонкий девичий голос. Она обернулась. Увлечшись своими мыслями, Анна не заметила дочь, идущую по другой стороне улицы.

Девушка быстро перебежала дорогу, чмокнула мать в щеку.

– Привет!

– Привет, Любаша! Ты далеко ли собралась?

– Пойду к Алке, она там пирог какой-то испекла, пригласила на дегустацию.

– Надолго?

– Ну, вообще-то да, – с хитринкой глянула дочь. – Мы потом в кино, наверное, сходим. Дома полный порядок, ужин уже приготовлен, так что я молодец!

– Ну, конечно, молодец, кто же еще! Завтра в школу, а вы в кино. Опять утром будешь ныть, что спать хочется. – С улыбкой пожурела Анна Любу.

– Не буду. Ладно, мам, я побегу. А то пока мы пробуем алкино творение, потом до кинотеатра еще добираться!

Дочь умчалась. Анна только покачала головой. Как же быстро она выросла! Первенец Артем доставлял молодым родителям много хлопот. Сначала он был просто беспокойным младенцем, не дающим покоя ни днем, ни ночью. Потом несколько лет очень часто болел. А когда вырос, превратился в прекрасного принца, и в борьбе за его сердце было пролито немало девичьих слез, и даже как-то раз две девчонки умудрились подраться между собой из-за него. Анне с мужем не раз пришлось переживать из-за этого. Когда сын выбрал себе очередную даму сердца и представил ее родителям, они не приняли все всерьез. Но до этого Артем девчонок домой не водил, и через некоторое время молодая пара сообщила о том, что они намерены пожениться. Сына вот-вот должны были призвать в армию, девушка не была беременна, и все принялись их отговаривать. Мол, год пролетит быстро, вот вернется Артем, тогда и женитесь, если к тому времени не передумаете. Но не отговорили. Сын женился, потом отслужил в армии и вернулся к молодой жене. А вскоре ее родите-

лям предложили хорошую работу в Подмоскowie. Они уехали, а, устроившись там, позвали и дочь с зятем.

Любаша была совсем другая с самого рождения. Она была очень самостоятельная, первыми ее словами были не «мама» и «папа», а «я шама». Она была общительным и шустрым ребенком, но, в отличие от брата, в сердечных делах ничего интересного не находила. С парнями Люба дружила, но пока ни с кем конкретно в более тесных отношениях замечена не была. И толи потому, что проблем с нею у родителей было намного меньше, а может оттого, что она была вторым ребенком, когда у них с Игорем был уже определенный родительский опыт, Люба как-то очень быстро и почти совсем незаметно выросла.

Анна вздохнула. Да, время, действительно, летит. Давно ли сама была такая же, как Любаша, бегала гулять, умоляла маму отпустить подольше... А вот уже и дочь выше ее ростом, совсем взрослая... Анна подошла к подъезду. Привычно подняла голову, взглянула на окна своей квартиры на третьем этаже. Дома никого не было – окна были темны. В какой-то момент Анна ощутила вдруг такую тоску и невероятную усталость, что даже присела на сырую скамейку. Ноги стали ватными, сердце тяжело забухало в груди. И что теперь? К чему мы пришли? Как себя вести в такой ситуации? Что говорить и говорить ли вообще? Может быть, стоит дать

мужу все объяснить и как-то оправдаться? Но станет ли он оправдываться? Станет ли он вообще хоть что-то объяснять, может просто отмахнется и скажет, что это она сама все придумала? Анна ухватилась было за эту мысль как утопающий за соломинку. Может, и в самом деле ей просто показалось, просто **ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ?!**

Анна встала с лавочки и быстро поднялась к себе на этаж. Но, вставив ключ в личину, замерла. Нет, не показалось. Она словно снова встретилась взглядом с мужем. Нет, если бы было все нормально, **ЕСЛИ БЫ НИЧЕГО НЕ БЫЛО**, то и взгляд у него был бы другой. **ОБЫЧНЫЙ** был бы взгляд, а не взгляд **ПОБИТОЙ СОБАКИ**. Анна глубоко вздохнула и открыла дверь.

Дома ее ждали обычные домашние дела, но делать ничего не хотелось. Даже аппетита не было, и, едва взглянув на приготовленный дочерью ужин, она ушла из кухни. Надо было чем-то отвлечь себя, Анна знала это, но так было тяжело на душе, так черно и тоскливо, что заняться хоть чем-то было свыше ее сил. Она побродила по квартире, потом снова вернулась на кухню, села за стол и задумалась.

Игорь вернулся спустя час после ее возвращения. И уже по тому, как он вошел, Анна окончательно убедилась в своих предположениях. Просто хлопнула дверь, шелкнул

выключатель в прихожей. Ни привычного «привет» или «я дома»... Только тихое шуршание снимаемой одежды и все. Анна все так же сидела на кухне, положив руки на стол и, вслушиваясь в эти звуки, только крепко сжала кулаки.

Муж, наконец, разделся и очень медленно прошел по прихожей. У Игоря все же хватило мужества – он шагнул на кухню. Анна сидела спиной к двери. Задержавшись на пороге буквально на секунду, он, видимо, смотрел на нее. Анна не шелохнулась. Игорь подошел к окну, встал к жене спиной. Повисло тягостное для обоих молчание. Анна глубоко вздохнула и взглянула на мужа, вернее на его ссутулившуюся спину. Неужели этот человек стал теперь чужим? Вот так сразу, за несколько мгновений? Теперь нельзя просто подойти к нему, обнять, потереться щекой о плечо, как она делала столько лет... Раньше она так успокаивала Игоря, когда у него были неприятности, когда он, словно ребенок, оттаивал под ее нежными ладонями. Может, и не могла Анна помочь чем-то серьезным, но успокоить мужа всегда старалась.

Сейчас же он стоял к ней спиной, ссутулившийся и чужой. Ему было тяжело, но теперь он сам причинял боль и жене и себе, и два таких противоречивых ощущения боролись в ее сердце – Анна жалела его и была предана им же.

– Когда же ты собирался мне это сказать? Если вообще

собирался? – Анна решила первой прервать молчание.

Муж развернулся к ней. Он был бледен и как-то сразу осунулся и постарел.

– Ань, ты прости меня. Если сможешь, конечно. – Голос его звучал глухо.

Она горько усмехнулась.

– Простить? Простить... Какое странное слово... Просто простить...

Он молча смотрел на нее.

– И давно это у вас?

– Ань...

– Что – Ань?! Как давно ты меня обманываешь?! – Анна с трудом сдержалась, чтобы не сжать снова руки в кулаки. А так хотелось это сделать, да еще хлопнуть ими от души по столу... – Что молчишь?

– Не очень. Да какая разница? – Игорь сел на стул напротив жены.

– Да никакой. Действительно, никакой разницы. Подумаешь, ты спишь с другой, а так – ничего особенного. Класс, дорогой! Поздравляю! Плыли мы, плыли, и, как говорится, приплыли. – Анна нервно засмеялась, но тут же посерьезнела, в упор глянула на мужа. – Как же ты мог, Игорь? За что ты так со мной? Что я сделала не так?

Он глянул на нее и отвел глаза. Несколько минут Анна смотрела на него, но муж молчал.

– И что теперь? Как, по-твоему, мы будем жить дальше?

– Я не знаю.

– А кто знает? Кто должен знать?! Я?!

– Не ты. Не только ты. Да, я виноват перед тобой. Прости. Но...

– Что «но»?

– Нам нужно время, чтобы все решить.

– Что решить?

– Ну, как дальше жить, что делать...

– А что ты собираешься делать? Ты сам? Что ты будешь делать? – Последнюю фразу она произнесла медленно, выделяя каждое слово.

– Пока не знаю.

Игорь поднялся, прошелся по кухне, снова встал у окна.

– А что, по-твоему, я должен сделать? Собраться и уйти?

Идти ему, кроме как к той девчонке, было некуда. Квартиру эту они купили лет пятнадцать назад – продали дом Анниной бабушки в ее родном поселке, взяли кредит и приобрели трехкомнатную здесь, в областном центре. Так что, если дело дойдет до дележа жилплощади, то разбираться придется долго – кому что причитается. Родители Игоря жили в соседней области, и больше никого из его родни здесь не было. Да и что сделали бы родственники в такой ситуации, с какими глазами к ним идти? Сам виноват, сам и разбирайся, ищи теперь, где жить.

Гнать мужа из дома Анна не собиралась. И даже не из страха, что он уйдет и не вернется, а просто потому, что не испытывала к нему ни ненависти, ни злости. Была просто

обида, жуткая обида и чувство отвращения. Как же это было нечестно с его стороны – быть с другой женщиной и продолжать делить постель с нею! И еще чувство стыда, стыда перед детьми и родителями, да и перед знакомыми тоже. Анна никогда не делала свою семью образцово-показательной, она просто жила нормальной жизнью – со своими радостями и горестями, но никогда не делала их домашние дела предметом чьего либо обсуждения. Говорят про всех, и плохое и хорошее говорят, но теперь в их личную жизнь влезут чужие люди и станут копаться в их делах, перемывая кости всем и вся. Кто-то будет сочувствовать, кто-то осуждать его, ее или их обоих. Одни будут делать это за их спинами, но всегда найдется кто-то, кто выскажет все прямо в лицо, надеясь понаблюдать еще и за их эмоциями. А как сказать все это родителям? Для них это станет громом среди ясного неба. А дети? Как им все это объяснить?

– Ты хочешь, чтобы я ушел? – в его голосе послышались недобрые нотки.

– Я спросила тебя – ты сам чего хочешь? Вот прямо сейчас, здесь, что ты собираешься делать дальше? – Анна тоже заговорила резче. Он что же думает, что она станет его уговаривать? Может его еще похвалить за то, что он сделал?

– Да не знаю я! – В сердцах крикнул муж.

– Не шуми.

Они оба резко замолчали. И молчание это повисло надолго. Чувствуя, что пока они вряд ли к чему придут, Анна поднялась и пошла из кухни. Уже в дверях она приостановилась.

– Не знаю, как, но детям ты объясняй все сам. – Тихо, но твердо сказала она. Ответом ей стал тяжелый вздох за спиной.

Она прошла в комнату, села на диван. Игорь появился в дверях, потоптался на пороге.

– Ты думаешь, им надо сказать? – с сомнением спросил он.

Анна изумленно подняла брови.

– А, по-твоему, нет? Как ты себе все это представляешь? Будем жить, как прежде, и помалкивать?

– Ну-у...может, мы пока сами во всем разберемся...

Бог мой, да он, похоже, ищет пути к отступлению! Ко-

нечно, может все еще и наладится? Можно же закрыть глаза на его измену, можно даже простить ему все, подуться какое-то время и понемногу все сгладится, они снова заживут мирно. Им есть что терять, они же семья, единое целое! Подумаешь, появилась какая-то девчонка! Появиться-то она появилась, да взяла и пропала. С кем не бывает, правда? Та появилась и пропала, как и не было ее, а она, Анна – жена, она была, есть и будет. Но как пережить все это? А самое главное, где гарантия, что не будет этой девчонки или какой-нибудь другой? Говорят – левак укрепляет брак. Не верьте никогда! НИ-КОГ-ДА!!! Та боль, что придется пережить кому-то из обманутых супругов не пройдет бесследно. Может сгладиться и даже забыться на какое-то время. Но забыть все это окончательно просто невозможно, как нельзя и пережить заново саму жизнь, подправив в ней не самые удачные моменты. Предательство другого человека навсегда останется в сердце, пусть в самых его дальних уголках, но будет таиться там, время от времени напоминая о произошедшем и причиняя боль.

– Ты что же думаешь, что все будет по-прежнему?! – Анна с удивлением посмотрела на мужа. Он выжидающе смотрел на нее. – Нет, ну хорошо, допустим, что мы попробуем оставить все на своих местах. Не скажем детям, родители ничего не узнают, никто ничего не узнает. Допустим. А как мы с тобой будем жить? Ты и я? Хотя, что я говорю... Есть ведь

еще и она.

– Ань...

– Или ты скажешь, что между вами все кончено, и ты даже ни разу не позвонишь ей, чтобы узнать как она после аварии?

Он ответил сразу же, словно ждал, чтобы заговорить на эту тему:

– Она в тяжелом состоянии. Позвоночник сильно пострадал.

Анна схватилась руками за голову.

– Замолчи! Я не хочу ничего этого знать! Замолчи! Это теперь твои проблемы и только твои! К какому бы ты решению не пришел, как бы мы дальше не поступили, Я никогда не смогу жить по-прежнему. Я, понимаешь, я! Есть еще я! Ты, она. И я. Игорь, ну почему ты про меня не подумал? Что я сделала тебе такого плохого, чтобы ты так со мной?

Слезы, наконец, нашли выход и брызнули из глаз. Муж качнулся было к ней, но Анна вскрикнула, словно раненая птица:

– Не прикасайся ко мне! Не смей!

– Аня!

Она справилась с собою, поднялась с дивана. Не сказав больше ни слова, прошла в спальню и закрыла дверь.

* * *

Дальше было совсем нехорошо.

Дочь, вернувшись ближе к полуночи, застала отца лежащим в передней на диване. Причем спал он прямо в одежде. Такого Любаша за ним никогда не замечала, и потому застыла, как вкопанная. Втянула носом воздух. Вроде ничем таким подозрительным не пахло. Девушка пожала плечами и удалилась к себе в комнату.

Утром все встали хмурые и неразговорчивые. Любаша заметила недоброе настроение родителей и предпочла молчать, лишь наблюдая за ними.

Вечером Игорь вернулся совсем поздно. Анна с дочерью уже давно поужинали и сидели в комнате у телевизора.

Игорь есть не стал. Еще пару дней прошли такими же напряженными и молчаливыми. В конце концов, дочь не выдержала и задала матери вопрос:

– Вы что, поссорились с папой?

Анна уже ожидала чего-то подобного, и даже обдумывала варианты ответов. И все же запнулась, задумалась, прежде чем что-либо ей сказать.

– Ну, в общем... да.

– Угу. – Любаша пытливо глянула на мать. Та продолжать пояснения не спешила. И девушка, пожав плечами, тоже не стала развивать тему.

Время шло, но никаких перемен в отношениях Гореловых не намечалось. Муж временами стал приходить совсем поздно, но, что все-таки радовало Анну, был трезвым. Хотя раньше особым пристрастием к спиртному он не отличался, в душе Анна побаивалась, что Игорь может начать выпивать. Он и так был суховатого телосложения, а теперь и вовсе осунулся, под глазами пролегли глубокие тени.

В субботу прямо с раннего утра муж куда-то уехал. Вернулся он ближе к обеду и был еще мрачнее, чем обычно.

Люба была в школе, и потому Анна решилась заговорить с ним в открытую.

– Нам надо к чему-нибудь прийти. Дети уже не маленькие, им надо все сказать.

– Ты предлагаешь это сделать мне? – спросил Игорь.

– А, по-твоему, это я должна все объяснять? Ты заварил эту кашу, ты приходишь домой чуть не ночью, а я должна все объяснять?!

– Я захожу в больницу... – Он осекся, глянул мельком, отвел глаза.

– Я не хочу ничего этого знать, я тебе уже говорила. Запомни это раз и навсегда. Это теперь ТВОЯ жизнь и ТВОИ дела. Я не прошу тебя разрываться на две... – Анна с трудом произнесла это слово, – на две семьи. Я хочу только, чтобы ты все объяснил детям.

– И что от этого изменится?

Анна в упор взглянула на него.

– А, по-твоему, ничего не изменилось? У нас и так все из-

менилось, Игорь! Все рухнуло, понимаешь? ВСЕ! ВСЕ! Может быть, конечно, ты так не считаешь, но на самом деле так и есть. И оттого, что мы с тобой просто отмалчиваемся, ничего не сдвинется с мертвой точки. Мы просто так и будем жить и молчать. Или, может, ты думаешь, что все закончится, как обычная ссора? Помолчим, подуемся, а потом понемножку все само собой наладится? Может быть, ты думаешь, что я все забуду, и ты вернешься ко мне в постель? А там, кто знает, можно будет и опять пошалить – не с этой девочкой, так с другой? А что – я, может, и не узнаю, а узнаю, так опять – подуюсь и прощу. Игорь, я не дуюсь. Я просто не могу быть с тобой. Я думала об этом всю неделю. Каждый час, каждую минуту думала об этом. Я даже на работе с огромным трудом заставляла себя заниматься именно работой и думать о больных, а не обо всем этом. И я поняла, что не смогу жить так, как раньше. Я не гоню тебя из дома, и играть в молчанку я тоже больше не хочу. Тем более что от этого всем только хуже. Но и быть тебе женой я тоже не могу. Я не хочу знать и решать твои проблемы, не хочу делить с тобой постель. Теперь моя жизнь – это только моя жизнь. Я не буду отчитываться тебе, почему и где я задержалась, и все в таком духе. Я не знаю, как ты станешь себя вести, но очень надеюсь, что этот дом не превратится в бедлам. И, пожалуйста, найди в себе смелости и объяснись с детьми.

Игорь выслушал жену, некоторое время помолчал.

– Ты предлагаешь нам развестись? – в его голосе чувствовалось напряжение.

– Нет. Если, конечно, ты сам этого не хочешь. Если ты собираешься уйти к ней, то пожалуйста.

– Куда мне идти?! Там съемная квартира, да и вообще... – Он осекся.

– Что? Что – вообще? Начал говорить, так уж договаривай. Ты вообще не собирался никуда уходить, так ведь? Ты не собирался ничего менять, верно? Ты все хотел оставить на своих местах. А вот, видишь, как получается.

Игорь потер лицо ладонью, словно пытаясь стереть с него что-то.

– Запутался я, Ань.

Анна молчала.

– Ладно, детям я скажу. Только что сказать-то? Что я изменил их матери, и потому у нас в доме теперь такая напряженка? – Горелов взглянул на жену.

– Я не знаю, что ты им скажешь. – Она пожала плечами.

Разговор с дочерью у Игоря все же состоялся. Он выбрал момент, когда Анна была на дежурстве и, с трудом подбирая слова, сказал Любе, что у них с мамой сейчас не очень хороший период в жизни.

– Вы что, разводитесь? – прямо спросила девушка.

– Нет. По-крайней мере пока нет.

– Ну и чего вы не поделили? – Любаша пристально взглянула на родителя.

– Понимаешь... Так бывает... – Игорь не решался напрямую озвучивать причину всех бед.

Люба не отводила глаз. Она уже не была маленьким наивным ребенком и потому сообразила все сама.

– Ты изменил маме?

Игорь тяжело вздохнул и кивнул. Дочь отшатнулась от него. Лицо ее помрачнело.

– Как ты мог?! Фу, какая грязь! – Она качнула головой из стороны в сторону. – Как ты мог...

Девушка отвернулась.

– Люба, я знаю, что очень виноват перед вами. Особенно перед мамой. Но так уж получилось...

– И что вы за люди такие, мужики! – Девушка обернулась, губы ее задрожали. – Почему вам все время нужно болтаться из стороны в сторону? Там что, постель мягче?!

Игорь вздрогнул. Таких хлестких слов от дочери он никак не ожидал. Он покраснел. Хотя... Он и сам теперь не знал, почему решился на измену. Вроде бы все хорошо у них было с Аней, но... То ли, действительно, все приелось за столько лет и захотелось новизны, то ли бес, как говорится, попутал... Хотя какой там бес! Перед глазами Игоря промелькнули последние несколько месяцев его жизни, то время, когда он словно раздвоился. Вот симпатичная брюнетка протягивает ему маленький микрофон, чтобы он закрепил его на своем пиджаке – Горелову предстоит выступать на очень серьезном заседании. Он не сразу справляется с аппаратурой, и мелодичный голос спрашивает, не нужна ли ему помощь. Потом тонкие длинные пальцы оказывают ему эту помощь. Он улыбается в знак благодарности. А

потом она улыбается ему в ответ, когда они сталкиваются в дверях. Звучит банальный вопрос: девушка, как вас зовут? И завертелось, и понеслось! Сначала встречи были нечастыми – любовница оканчивала университет, и горячая пора защиты диплома немного сдерживала их пыл. А потом... Потом Игорь сам нашел ей квартиру, сам стал оплачивать половину ее аренды (надо отдать должное его подружке – она ни в какую не соглашалась на полную зависимость от него). С хорошей работой он тоже ей помог. А месяц назад, когда она сдала на водительские права, он подарил ей на день рождения эту машину. Сначала она ездила осторожно, но потом немного обвыклась и прибавила скорости своему Огоньку – так она ласково называла его подарок. И в тот день тоже хорошенько дала газу, да к тому же не пристегнулась...

А теперь Игорь и сам не знал, чего он вообще хотел от этих отношений. Может быть, они бы и сошли «на нет» сами, а, может, и затянулись бы, как знать. Пока любовница не требовала от него ни финансового содержания, ни разрыва с семьей. Но неизвестно – во что бы это все вылилось потом. Одно он знал теперь точно – он потерял самое дорогое, что было у него на этом свете – он потерял семью. Они все – и жена, и дети никогда теперь не будут относиться к нему так, как раньше. И даже дочь имеет право бросить ему в лицо такие слова, произнести которые прежде, да еще в таком тоне, она бы просто не догадалась.

– Люба! Я просил у мамы прощения. И у тебя тоже его прошу. Но ведь все, что произошло – это же не смертельно, такое происходит сплошь и рядом. Во многих семьях такое случается...

– Во многих?! Да мне наплевать, что там случается в других семьях. Мне важно, что происходит здесь, в этом доме, с нами со всеми. С нами, понимаешь? – Любаша горько усмехнулась. – Хотя теперь тебе и дела нет до нас.

– Не говори так. Все вы мне по-прежнему дороги.

– Да ладно! А то я не вижу – во сколько ты домой являешься.

– Я хожу в больницу. – Игорь сначала не хотел говорить всей правды, но вдруг решил рассказать все.

– Что, там ждут появления очередного наследника? – съехидничала дочь.

– Нет. Она попала в аварию. Лежит в очень тяжелом состоянии. И за ней некому ухаживать – она приехала издалека.

– А ты, значит, папа, – Люба впервые позволила себе произнести слово «папа» с издевкой – ты, значит, сиротку пожалел?

– Люба! Не надо так.

– Ну да, не надо. А как надо? – Большие глаза дочери смотрели на него в упор. – Скажи, как надо?

– Не знаю как, но не груби. Ты взрослый человек, у тебя впереди целая жизнь и еще неизвестно, что тебе самой придется пережить. Постарайся понять, что порой бывают такие вещи, когда не надо рубить с плеча.

– Ну да, не надо. – Люба кивнула, соглашаясь. – Я так понимаю, что и мама до сих пор не разрубила.

– Она имеет на это право.

Девушка замолчала на некоторое время. Подумала о чем-то.

– И еще, Люба, я хочу, чтобы ты всегда помнила об этом – как бы у нас с мамой не складывались отношения, к чему бы мы с ней не пришли, вы для меня всегда есть и будете самыми дорогими людьми – ты и Артем.

Люба пристально посмотрела на отца, но ничего не сказала.

А вот сыну, когда он узнал о том, что происходит в их семье, едва удалось сдержаться, чтобы не схватить отца за грудки.

– Ну, ты и сволочь, папа! – И в его голосе слово «папа» прозвучало с совершенно открытой издевкой так же, как и у Любы. – Не ожидал.

Он повернулся и вышел из комнаты. Мать была на кухне. Она стояла у окна, положив себе ладони на плечи и низко опустив голову. Артем некоторое время смотрел на нее, потом подошел, обнял, прижался щекой к ее щеке.

– Мам...

– Что, сынок? – Анна старалась говорить как можно спокойнее.

– За что он так? Почему?

– Не знаю. Наверное, я что-то сделала не так.

Сын резко выпрямился, развернул ее к себе лицом, тряхнул, словно пытаясь привести в чувство.

– Не смей, слышишь. Никогда даже думать такое не смей! Ты самая лучшая, самая красивая на свете.

– Наверное, мы слишком долго были вместе.

Анна горько ухмыльнулась. И впервые в жизни почувствовала в своем сыне настоящего мужчину. Вот он стоит перед нею – высокий, крепкий, красивый. И успокаивает ее уже совсем по-взрослому. В груди теплой волной колыхнулись чувства любви и гордости за своего возмужавшего ребенка.

– Ма-а-ам... – с грустной улыбкой протянул он. – Ну что ты такое говоришь?

– А что? В жизни, сынок, всякое случается. Вот и мы с отцом не смогли без этого.

– Ты только себя не накручивай, ладно? Не вини ни в чем, ты ни в чем не виновата. Хочешь, приезжайте к нам с Любашей на выходные. Развеемся немного, отвлечетесь.

– Спасибо, Артем. Может, и приедем, но только не в бли-

жайшее время – у меня дежурства в этом месяце чуть ли не каждый выходной. Да и Любе вряд ли удастся вырваться, сам знаешь, последний год, горячая пора – то факультативы, то репетиторства.

Артем понимающе кивнул.

– Я вот что хочу сказать, сынок. Мы с отцом, конечно, сами решим, как нам жить дальше. Может не сразу, но все встанет на свои места. Будем мы вместе или нет – этого мы не знаем. Но только какое бы решение мы не приняли, вы с Любашей не должны думать о нас плохо. Вы уже взрослые люди, и я надеюсь, что вы согласитесь с нами и поддержите. Вместе или порознь, но у вас всегда будут и папа и мама.

* * *

А решение принимать и в самом деле пришлось. И оно оказалось неожиданным для них обоих.

Девушка получила очень тяжелую травму позвоночника. Приговор врачей оказался суров – она навсегда будет прикована к инвалидной коляске. Может, конечно, случиться чудо, но надежды на улучшение совсем мало. Спустя ме-

сяц ее выписали из больницы. Игорь нанял сиделку, но это проблемы не решало. Чувствуя себя виноватым в произошедшем, он не мог бросить ее одну. Возвращаться домой в глухую деревушку к пьющим родителям девушке не имело смысла. Игорь метался между домом, работой и нею. Такого поворота событий он никак не ожидал. Он разрывался на части, но и Анне было нелегко. Она видела все это, чувствовала как ему тяжело, но теперь она точно знала, что все это никогда не кончится. Если даже когда-то и могло случиться так, что отношения между ними худо-бедно, но могли наладиться, то теперь Анна точно знала, что Игорь не сможет оставить эту девушку совсем. Он все равно будет навещать ее, будет давать деньги, будет решать ее проблемы. Видя все это, понимая, что конца края всему этому не будет, Анна, наконец, решилась на разговор с мужем.

Игорь, поняв, что жена хочет освободить его, вздохнул с облегчением. Ему было страшно самому решиться на такой разрыв, но сейчас предложение исходило не от него и потому воспринималось как-то легче.

И под самый Новый год Игорь ушел из дома. Дети уже знали о решении родителей расстаться, и потому было решено Анне с Любашей встретить праздник в гостях у Артема. Несколько праздничных дней пролетели довольно быстро, Анна почти не чувствовала, что что-то в ее жизни изме-

нилось. Но потом им пришлось возвращаться – Анну ждала работа.

Вообще именно она, ее работа, стала для Гореловой той самой спасительной соломинкой, за которую она ухватилась. Сначала Анна не подавала вида, что в ее жизни что-то не так. Но шила в мешке не утаишь. Коллеги восприняли их разрыв с Игорем с огромным удивлением, все считали их союз не то чтобы образцовым, но стабильно прочным – это уж точно. А тут такое! Пошептались, пообсуждали, и постепенно успокоились. Да и что тут долго обсасывать – такое сплошь и рядом – люди сходятся, расходятся, про всех много говорить – язык устанет.

Дома Анна чувствовала себя не в своей тарелке. Хоть это все длилось уже не первый день, но привыкнуть к тому, что мужа нет, она никак не могла. Здесь все напоминало о нем – посуда, мебель, книги. Все это было связано с Игорем, с теми годами, что они были вместе. Некоторые советовали сделать ремонт, поменять мебель, но Анна ограничилась простой генеральной уборкой. Ей вспомнились слова матери, когда она заикнулась было ей про эти советы: «Сердце не переклеишь и нового не купишь. Все равно думать обо всем будешь. Ты лучше занятие себе найди по душе, чтобы поменьше на стены да на диваны смотреть».

И Анна стала с явным удовольствием ходить на работу. Там ей действительно было хорошо. Все было знакомо, все было понятно и ничто не напоминало о грустных переменах в жизни.

В феврале состоялся суд. Их развели. У каждого из бывших супругов началась новая жизнь.

Так прошли зимние месяцы. Март наступил незаметно, но первые две недели зима не сдавала своих позиций. И оттого, что снег по-прежнему лежал огромными сугробами, а солнце не торопилось выглядывать из-за плотных облаков, создавалось впечатление, что зима будет еще бесконечно долго. Уставшей от всех передраг Анне почему-то казалось, что с приходом весны и в ее жизни должно будет что-то измениться. Она и ждала ее, и боялась одновременно – у Любаши приближались экзамены. А там не заметишь, как и дочь тоже улетит из родного гнезда. И тогда Анна Сергеевна Горелова останется совсем одна.

Как-то, переодеваясь после работы, медсестра Ниночка спросила у Гореловой:

– Анна Сергеевна, а вы не слышали – говорят, что Николай Матвеевич от нас собрался уходить.

Анна, завязывая пояс на платье, обернулась к ней.

– Не слышала. Куда это он собрался?

Николай Матвеевич Яковлев был заведующим хирургическим отделением. Они работали вместе с того самого дня, как Горелова впервые переступила порог этой больницы. Он был и другом и наставником Анны, хотя и был старше ее всего на пять лет. Как-то раз он даже пошутил: «Мы могли бы быть с тобой любовниками, но это будет уже совсем «через чур». На самом деле у них обоих были крепкие семьи, и лодья хорошо отлаженный быт ни одному из них не хотелось.

А теперь и он собирается бросить ее... Да к тому же она узнает эту новость не от него самого... Анна усмехнулась – получается, что и у Яковлева не хватает смелости в открытую сказать ей правду.

– Говорят – в Москву, – пожала плечами Ниночка.– Его в какой-то крутой центр пригласили на работу.

Анна поправила прическу, закрыла шкаф.

– А еще говорят, что вас назначат завотделением... – промурлыкала ей в спину Ниночка.

Горелова обернулась, удивленно вскинула брови.

– Это еще почему?

– А почему нет? У нас что, еще есть варианты? Помогите, Анна Сергеевна, кандидатуры лучше вашей просто не может быть. – Ниночка произнесла последние слова совершенно серьезно.

– Глупости все это, не бери в голову, – отмахнулась Горелова. – Еще что-нибудь говорят? – Спросила с улыбкой.

– Говорят... – глаза девушки глянули с хитрецей. – Говорят, что нам нового хирурга пришлют.

– Даже так? Молоденького, хорошенького?

– И такое говорят.

– Лучше бы умненького прислали. Ладно, проживем, увидим. Хотя что-то не верится мне...

Но на следующий день Яковлев все же вызвал ее к себе в кабинет. Анна слишком хорошо знала своего коллегу, и по его виду сразу поняла, что он собирается сообщить ей что-то

важное. Значит, разговор, заведенный вчера Ниночкой, был неслучаен.

Николай Матвеевич сидел в своем кресле и крутил в руке карандаш. Горелова села напротив, выжидаяще глядя на него.

– Разговоры слышала? – Яковлев не стал юлить.

– Про тебя? Слышала. Буквально вчера.

– Ну и ладно. Тогда мне проще с тобой об этом говорить.

– Что же ты сразу мне ничего не сказал?

– Я собирался, честное слово. Просто до вчерашнего дня сам еще не был уверен, что все получится. Даже поражаюсь, откуда народ успел все прониюхать. Я ведь здесь, у нас, никому и не говорил ничего.

– Значит у народа хороший нюх. – Грустно улыбнулась Анна. – А вообще я тебя поздравляю. Честное слово, от всей души я за тебя рада.

– Спасибо. Только у меня к тебе еще есть дело. Я, когда обустроюсь там, зацеплюсь покрепче, тебя тоже перетащу. Я

тебе обещаю. А пока примешь отделение.— Он внимательно посмотрел на Анну, пытаясь по ее реакции определить, как она ко всему этому отнесется.

Горелова прищурилась, сложила руки на груди.

— И как ты себе это представляешь? Одним махом ты хочешь обезглавить отделение? Нормально! — Она ухмыльнулась.

— Я не собираюсь ничего обезглавливать.

— Думаешь? — ехидно улыбнулась Анна.

— Уверен. На следующей неделе к нам приходит новый хирург. Пока он войдет в курс дела, то, се, а там и ты привыкнешь, я тебя помаленьку в курс дела введу. Вот только потом я решусь уехать. Ты думаешь, у меня сердца нет? Думаешь, я не переживаю? Но я же знаю на кого все оставляю. В тебе, Аня, я уверен, как в самом себе. А потом ты поработаешь, присмотришься к новому человеку. Со временем и себе подговоришь достойную замену.

Анна помолчала. Положив руки на стол, она задумчиво постукивала кончиками пальцев по столешнице. Яковлев терпеливо ждал, что она скажет.

– А почему бы тебе сразу не взять человека на свое место? Николай Матвеевич, ну не хочу я быть заведующим! И в Москву не очень хочу. Можно сказать, совсем не хочу.

– Ты с ума сошла? – Он поднялся со своего места, оббежал вокруг стола, уселся на соседний с Анной стул. – Люди наизнанку выворачиваются, чтобы туда попасть и зацепиться за что-нибудь путное! А она, видите ли, не хочет! Дура баба! – Яковлев всплеснул руками.

– Грубо, – спокойно заметила собеседница. Она совсем не обижалась на него, зная, что обидеть ее он точно не собирается.

– Зато правда. – Буркнул Яковлев.

Они помолчали некоторое время. Начальник был отходчив, Анна знала это. Вот и сейчас он заговорил первым:

– Ну да Бог с ней, с Москвой. Я и сам пока здесь сижу, даже заявления еще не писал. – Уже вполне миролюбиво согласился Яковлев. – А вот насчет отделения, Анна Сергеевна, я вполне серьезно говорю. Ну, ты сама подумай – придет новый человек, ничего и никого не знает, а тут ему еще и отделением сразу руководить! Да и мы его тоже не знаем –

какой он, что из себя представляет.

– Ты его не знаешь? – Удивилась Горелова.

– Я – нет. Но его, похоже, знает наш Рябов. Это он порекомендовал данного товарища, когда я сказал ему, что собираюсь уходить.

– Вот как! Значит, это будет человек главного! Это еще интересней!

– Не передергивай. Сама знаешь, что Рябов не дурак и абы кого к нам брать не будет.

– Кстати, а он в курсе того, что ты мне сейчас предлагаешь? Может, ему твои задумки совсем не по душе? – перебила Анна.

– В курсе. И очень даже «за», так что даже не надейся.

Анна насупилась. Они уже всё решили за нее. Мало того, что вечно бывший рядом Яковлев собрался ее покинуть, да еще и подумывает о том, чтобы и ее сорвать с места, так их коллектив тоже ожидают перемены. Вот тебе и весна, вот тебе и обновления...

– В общем, ты, Ань, давай иди, работай. Время подумать у тебя есть, но насчет замены меня тобой – вопрос даже не обсуждается. Поняла?

Горелова гневно глянула на начальника.

– Поняла.

– Ну, вот и лапочка-дочка! – заулыбался довольный Яковлев и поднялся, давая понять, что разговор окончен.

Горелова с недовольным видом встала. Он даже проводил ее до двери, но Анна не удержалась и добавила ложку дегтя:

– Учти, я еще не дала своего согласия.

Но Николай Матвеевич соорудил такую зверскую физиономию, что Анна чуть не рассмеялась. Едва сдерживаясь, она выскочила из кабинета.

Утро следующего дня было хлопотным – Любаше предстояло писать первый пробный экзамен по русскому языку. Анна переживала за дочь, все мысли ее от дома до работы были только о ней. Уже в дверях она столкнулась с каким-то

мужчиной, выходявшим из здания.

– Ой, это вы? Здравствуйте.

Анна посмотрела на него.

– Я?! Мы знакомы?

Мужчина улыбнулся.

– Ну да. Аварию осенью помните? Там еще девушка сильно пострадала.

Анна внимательнее посмотрела на собеседника. Да, кажется, это действительно он. С трудом она припомнила его лицо.

– А девушка выжила, я узнавал, – сообщил мужчина.

Анна помрачнела. Очередное напоминание о ее боли ...

– Угу, – кивнула она сухо и опустила взгляд.

Он заметил резкую перемену в ее лице, замялся.

Анна подняла глаза.

– Извините, мне надо идти.

– Да, конечно, – кивнул он. – Удачи вам.

– И вам. – Анна кивнула и скрылась в дверях.

Мужчина задумчиво посмотрел ей вслед. Потом неторопливо спустился с крыльца и медленно пошел по дорожке.

А Анна, на ходу расстегивая пальто, уже неслась по больничному коридору. На душе было муторно. Мало переживаний за дочь, так на тебе – еще и с раннего утра напоминание о ее беде. И надо было этому мужику встретиться на пути – мысли теперь так и будут крутиться вокруг этой пренеприятнейшей истории... Перед глазами снова, как наяву, промелькнул тот хмурый вечер. Анна огромным усилием воли заставила себя не думать об этом.

Спустя несколько дней Яковлев все же подал заявление на увольнение. Коллеги приуныли. Хотя до всех уже дошли слухи о том, что на место Николая Матвеевича пророчат Горелову, уход начальника и коллеги, с которым проработали больше двадцати лет, придавал грусти грядущему расставанию.

А на другой день прямо с утра их с Яковлевым вызвал главврач. Идя по коридору, Анна знала, что теперь уже Рябов начнет разговор о ее переводе на место заведующего отделением.

– Ну, что ты надумала? – спросил шедший рядом Николай Матвеевич.

– То же самое, что и сразу тебе сказала. Я не хочу быть заведующим. Не хо – чу. Пусть новый человек сразу берет быка за рога! Что вы его бережете? Привыкнет и он, не в лесу же будет работать – мы все тут остаемся. В чем проблема, не понимаю.

– Ну, Анька! – вспыхнул Яковлев. – Ну, до чего же ты только упряма!

– Да ладно тебе, – махнула рукой Горелова.

У главврача их дискуссия продолжилась. Рябов внимательно выслушал доводы одного и второго. По его мнению, Анна все же должна была согласиться.

– Анна Сергеевна, ну вы представьте себя на месте нового работника – вы только что приходите на другое, совершен-

но незнакомое место. Новый коллектив, адаптация... А уровень ваших операций требует еще и огромных сил – и физических и моральных. Давайте дадим человеку привыкнуть. И потом, поверьте, самый главный для меня лично аргумент – это ваш опыт, ваша компетентность в делах отделения. Вы – отличный работник, и я просто не вижу смысла продолжать эту дискуссию! В общем, так, Анна Сергеевна. Вы примете отделение уже с завтрашнего дня. Пока Николай Матвеевич отрабатывает свои положенные две недели, вы будете принимать у него дела. Пусть новый работник пообвыкнется у нас, а там посмотрим.

Анна вздохнула. Похоже, ей не выстоять. Она гневно глянула на сидевшего напротив Яковлева. Он правильно расценил этот взгляд и довольный улыбнулся.

Раздался звонок селектора. Рябов повернулся к аппарату.

– Да, Катя!

– Вы просили сообщить, – раздался голос секретарши, – пришел Харламов.

– Спасибо. Пусть заходит. – Он посмотрел на коллег. – Вот как раз сейчас и познакомитесь с нашим новым работником.

Дверь открылась, и в кабинет вошел мужчина в сером пиджаке. Анна невольно расширила глаза – это был тот самый человек, с которым она столкнулась в дверях накануне. Поздоровавшись, Харламов окинул взглядом сидевших в кабинете, заметив Анну, тоже удивленно поднял брови. Потом, чуть улыбнувшись, кивнул ей одной. Анне не оставалось ничего делать, как слегка кивнуть в ответ.

Эти их действия не остались незамеченными. Рябов и Яковлев переглянулись.

– Присаживайтесь, Иван Николаевич. Знакомьтесь, это наши, а теперь и ваши коллеги – Николай Матвеевич Яковлев, наш заведующий хирургическим отделением. Анна Сергеевна Горелова, она у нас будет принимать дела заведующего отделением с завтрашнего дня. А это Харламов Иван Николаевич – наш новый работник, хирург.

Анна смотрела на вновь прибывшего, и в голове словно чей-то чужой голос произнес обрывки когда-то уже слышанных ею фраз: «Вы кто?» «Я врач. А вы кто?» «И я врач. Хирург...». Она вспомнила, как ловко его руки управлялись со шприцом, как он накладывал жгут на поврежденную ногу девушки. И почему-то сейчас от этих воспоминаний она не испытала горечи, как было совсем недавно при встрече

с этим человеком. Анна Сергеевна с интересом разглядывала его. Кто он? Что он? Сразу ведь и не поймешь, не разберешь... А ведь им предстоит работать вместе. И почему все они так категорически не хотят сразу поставить его заведованием? Не доверяют? Но почему тогда Рябов вообще согласился взять его на работу, ведь всем известно, что он очень щепетильно относится к подбору кадров в своей больнице.

Харламов перевел взгляд на Анну Сергеевну. Она вдруг почему-то не удержалась и отвела глаза.

Несколько долгих секунд все молчали. Яковлев с любопытством наблюдал за сидевшими друг против друга Гореловой и Харламовым. Что за странные кивки и улыбки между ними? Они, что, знакомы? Почему тогда Анна ничего ему не сказала?

– Иван Николаевич приехал к нам издалека. Рекомендации у него самые положительные. Будем надеяться, что поработаемся. Вопросы будут?

Вопросы, конечно, были, но задавать их в лоб незнакомому человеку как-то не очень хотелось. Видимо у Яковлева были такие же соображения, потому как он, вопросительно глянув на Анну, пожал плечами.

– Я думаю, что вопросы легче задавать, как, впрочем, и отвечать на них, по ходу дела.

Харламов кивнул.

– Согласен.

– Ну что же, тогда приступайте к работе. Николай Матвеевич, включите Ивана Николаевича в график дежурств и все прочее.

Все поднялись и направились к выходу.

Следующие несколько дней персонал хирургического отделения посвятил новому врачу. Не каждый день в их коллектив приходят свежие кадры. Особенно старались дамы. Все они, начиная с санитарок и заканчивая уже врачами, с интересом обсуждали нового коллегу. Казалось – одна Анна Горелова не участвовала во всем этом бурном обсуждении. Ей вообще было не до того – женат Харламов или нет, есть ли дети и в каком количестве. Ей было глубоко безразлично, что происходит вокруг нее.

Главное, что сейчас интересовало ее в жизни – дочь готовилась к выпускным экзаменам, а там не за горами и поступление в институт, и отъезд из дома. Любаша так и не от-

ступила от своей мечты уехать к брату. Анна старалась как можно больше разговаривать с нею, но не пыталась сильно вмешиваться в ее жизнь. К счастью, дочь тоже нормально общалась с матерью. Первые несколько дней после ухода Игоря из дома они обе жили как в тумане, но потом постепенно все вошло в свое русло. Игорь продолжал общаться с дочерью. Хотя первые несколько звонков от отца девушка проигнорировала. Потом она честно созналась в этом матери.

У Анны хватило ума дать дочери добрый совет – несмотря ни на что папа остается ее папой. К тому же Игорь был действительно хорошим отцом, этого нельзя было отрицать. Он всегда любил детей, всегда был по мере возможности в курсе их дел. Помогал, чем мог. И теперь он первый позвонил дочери, чтобы узнать, как у нее дела. Анна, как могла, объясняла Любаше, что она должна простить отца. Больно – да. Обидно – да. Но их добрым отношениям с отцом ничто не мешает. Ничто и никто. Дочь смогла ее понять и о следующем звонке Игоря сказала матери:

– Мам, мне сегодня папка звонил.

Анне было неприятно слышать, каким брезгливым тоном дочь произносит эти слова, но она справилась с собой и спросила ее как можно миролюбивее:

– И как?

– Нормально. – Хмыкнула Любаша.

– Поговорили?

– Да, немного.

– Ну и хорошо. – Улыбнулась Анна.

Постепенно боль притупилась, все более-менее начали привыкать к новой жизни. В какой-то степени Анна даже рада была тому, что переживания за дочь затмили ее собственные проблемы. Конечно, все это легче бы переносилось, будь муж рядом, но... Анна часто обрывала себя на этом «но». И постепенно приучила себя к тому, что после «но» должна стоять твердая точка, а не расплывчатое многоточие. Жизнь продолжается.

* * *

В отделении стало вдруг оживленнее. Даже Гореловой, погруженной в свои собственные проблемы, стало это заметно. Большая часть дам их коллектива бросала на но-

венького заинтересованные взгляды. В женских глазах появился блеск, запахло хорошими духами и даже санитарки начали подкрашивать губы. Ниночка уже успела разведать и поделиться с Гореловой, что Харламов в настоящее время свободен. Как ни странно, но другими подробностями его личной жизни народ разжиться не сумел. Хотя и этого было пока вполне достаточно, чтобы привлечь женское внимание. Спустя пару дней новому хирургу досталась первая плановая операция. Отработавшая с ним бригада оценила Харламова довольно высоко.

– Анна Сергеевна, у него такие руки! – Ниночка блаженно закатила густо накрашенные глаза.

Горелова писала что-то, сидя за своим столом, но не удержалась, улыбнулась.

– Тебя же там не было, Нин?

Добродушную медсестру это замечание нисколько не смутило. Она пожала плечами.

– Ну и что? Лиза же была, она и рассказывала. У него, говорит, такие руки, как у музыканта!

Анна представила мужские руки в резиновых перчат-

ках, измазанных кровью, ковыряющиеся в открытой ране – оперировали паховую грыжу. Ничего во всем этом высокохудожественного не было. Горелова подняла голову от бумаг, усмехнулась. Ниночка не заметила подвоха, продолжала взахлеб пересказывать слова второй хирургической сестры. Анна послушала ее, покачала головой.

– В общем, я так понимаю, с новым хирургом нам повезло? – спросила она у Ниночки.

– Говорят – да. Я, конечно, не знаю, – хитрая Ниночка оставила на всякий случай пути к отступлению. – Но все говорят, что Иван Николаевич специалист хороший.

– Угу, – кивнула Анна Сергеевна и снова погрузилась в свои бумаги.

– А вообще он ничего, правда? Симпатичный... – продолжала вещать Нина.

– Нормальный, – кивнула Горелова.

– Да ну, – фыркнула девушка, – не нормальный, а симпатичный. Он даже не на русского похож, а на прибалта.

– Это еще почему? – Анна изумленно посмотрела на себе-

седницу. Она и в самом деле не видела в новом хирурге ничего особенного. Мужик как мужик. – Они же больше блондины! Ну, по крайней мере, светленькие...

– Ну не знаю, Анна Сергеевна, но мне так кажется. Смотрю на Харламова, а мне так и кажется, что он сейчас с акцентом заговорит.

– Никогда бы не подумала, – усмехнулась Горелова.

– И не мне одной так кажется, девчонки тоже многие говорят. А прибалты, они же не все блондинистые. Порода в них чувствуется.

– Но он же не прибалт!

– Ну и что! Все равно мужик интересный.

– Ладно, пусть будет интересный, – отступила Анна, берясь за новый лист.

– И, кстати, некоторые наши дамы уже имеют на него виды... – промурлыкала Ниночка.

– Да что ты говоришь! – Притворно восхитилась Горелова.

– Seriously! И знаете, кто, например, в первых рядах? – заговорчески зашептала Нина.

– ?

Тут у Анны зазвонил в кармане сотовый, и поведать ей великую тайну медсестра не успела.

Две недели, положенные по закону для отработки пролетели быстро, и вот уже Яковлев приглашает всех в ресторан на прощальный вечер.

В знаменательный, но немного грустный вечер за столом собрались все работники хирургического отделения. Звучали торжественные речи, слова благодарности и наилучшие пожелания. И все же всем было немного грустно – многие отработали с Яковлевым не один десяток лет, да и те, кто не был в их коллективе старожилом, откровенно жалели об отъезде Николая Матвеевича. Работалось с ним легко и интересно, и людям было о чем жалеть.

Но хорошая организация вечера и выпитое спиртное разрядили, наконец, слегка натянутую атмосферу. Анна Сергеевна сидела рядом с Ниночкой и хирургом Крымовым.

Алексей Григорьевич был великим мастером рассказывать анекдоты и уже начал время от времени применять свой талант.

Потом ведущий вечера дал слово и Гореловой. Анна взяла в руки микрофон, встала. Она никогда не была мастерицей выступать перед народом, но сейчас ей как никогда хотелось быть искренней и не сбиться в словах.

– Дорогой Николай Матвеевич! Не для кого не секрет, что на протяжении многих лет мы были с вами не просто коллегами, но и друзьями. Вы учили меня работать, подставляли плечо, когда я могла упасть, и подталкивали, когда я сомневалась – нужно ли идти вперед. Мы совершенно легко могли крепко поругаться и, помирившись, смеяться. Было все – и тяжелейшие операции и потери. Но радости и побед было гораздо больше. Все они были общие. – Собираясь с духом, Анна обвела взглядом собравшихся гостей. На противоположной стороне стола довольно далеко от нее сидел Харламов. Рядом сверкала яркая блондинка Регина из реанимационного отделения. Почему-то в памяти мгновенно всплыл недавний разговор с Ниночкой: «и знаете, кто в первых рядах?». Анна встретилась взглядом с Харламовым.

– И потому сказать, что мне тяжело с вами расставаться – это значит – ничего не сказать. Но не будем о грустном.

Тем более что перспективы перед вами открываются самые лучшие. И лично я по-доброму очень завидую людям, которые будут теперь вашим новым коллективом. А вам, Николай Матвеевич, желаю понимающих коллег, умных учеников и покладистых больных. Пусть на новом месте все сложится, как хотелось бы и даже лучше. Удачи!

Народ дружно поддержал ее пожелания, зазвенели рюмки и бокалы. Яковлев, расчувствовавшись, подскочил к ней и крепко расцеловал.

– Спасибо тебе, Аня, на добром слове! Удача мне и в самом деле не помешает. Признаюсь вам честно, друзья, я и сам сейчас ужасно трушу – что там впереди? С насиженного места ох как тяжело срываться, поверьте! Но в одном я уверен точно – отделение наше остается в надежных руках. И очень надеюсь, что вы, дорогие мои коллеги, во всем будете поддерживать Анну Сергеевну, так же, как все это время поддерживали и меня!

Вечер продолжался. Народ поддал жару и скоро стало совсем весело. Наконец объявили танцы, и Анна вышла из-за стола. Поправив в дамской комнате макияж, Горелова не пошла в зал, а остановилась в фойе. К ней подошел Рябов.

– Вечер хорош, а грустно все-таки, правда?

– Да уж. – Согласилась Анна.

– Как вам, кстати, с новым коллегой работается? Поладили?

– Нормально.

– Вот ведь как получается порой – мы одного из своих лучших работников столице отдаем, а она нам взамен свои кадры направляет.

Горелова удивленно подняла брови. От вездесущей Ниночки она знала, что Харламов приехал из какого-то небольшого городка, но не как не из Москвы.

– Смотрю – вы удивлены? Да-да, Иван Николаевич действительно работал в столице, причем довольно долго. Потом жизненные обстоятельства изменились. Так он и попал к нам.

– А говорили, что он откуда-то из небольшого городка.

– Да, было дело. Он уехал в этот город, а там главврачом мой давний приятель работает. Он посмотрел – посмотрел на Ивана Николаевича в работе и за голову схватился. Спе-

циалист такого уровня да в их небольшой больнице – это же мезальянс, честное слово! Он мне так прямо и сказал, когда предложил Харламова к нам. В их больнице ведь путевого оборудования нет, а тут такой спец! Завянет ведь человек, загубит мастерство! Бери, одним словом, не пожалеешь! Вот я и взял, тем более что наш горячо любимый Николай Матвеевич засобирался в дорогу. Как думаете – не прогадал я?

– Коллеги о нем хорошо отзываются, а я пока ничего сказать не могу. – Анна пожала плечами. За эти две недели они и виделись-то с Харламовым всего несколько раз, а совместных дежурств, как и операций, вообще еще не было. – Вместе мы пока еще только в ординаторской пересекались. – Но услужливая память тут же подкинула, словно обрывочные кадры кино – промозглый ноябрь, ярко-красная иномарка, мужские руки, ловко управляющиеся со шприцем...

– Ну что ж, как говорится, время покажет... Будем надеяться, что не прогадаем, а то терять сразу двух спецов... Сама понимаешь, как-то не очень приятная перспектива.

Они переглянулись.

– Не поняла...

Рябов усмехнулся.

– Да ладно вам, партизаны... А то я не знаю, что Яковлев, как только сам более менее устроится, так и вас к себе перетасит. Вы же не можете друг без друга.

Анна пожала плечами, раздумывая, что ответить, но тут в зале заиграла медленная музыка.

– А что, Анна Сергеевна, пойдёте, потанцуем? – Предложил вдруг Рябов.

Несколько пар уже танцевали. Главный аккуратно взял ладонь Анны в свою, и довольно уверенно повел ее в танце. Рядом Крымов обнимал Ниночку и рассказывал ей что-то. Встретившись с Анной глазами, он хитро ей подмигнул. Анна улыбнулась в ответ. Из-за стола поднялись блондинка Регина и Харламов. Она вся прямо светилась от счастья, и с первыми же движениями прижалась к партнеру весьма откровенно. Харламов повернул голову, Анна не успела отвести взгляда. И неожиданно для самой себя смутилась. Почувствовав, как румянец предательски заливаает щеки, она резко отвернулась. Горелова не видела, как удивленно изогнулись харламовские брови.

«Что это со мной? – Принялась она ругать себя. – Что это ты вдруг покраснелась, как девчонка? Что тебе за дело

до них? Ну, танцуют люди, и ты танцуй.» Тут Рябов отвлек ее каким-то нейтральный разговором, и Анна постепенно успокоилась. Но потом почему-то старалась не смотреть в сторону Харламова.

Вечер шел своим чередом. Тосты сменялись танцами, танцы развлечениями. Анна засобиралась домой в одиннадцать часов. Выбрав момент, пока народ пошел в очередной раз танцевать, она подошла к Яковлеву.

– Ну, что, дорогой, я пришла попрощаться.

Николай Матвеевич, конечно же, клещом вцепился в нее, пытаясь уговорить остаться. Но Анна была неумолима. Он пошел ее провожать.

– Погоди, я тебе такси поймаю!

Апрель вступал в свои права. На улице было довольно тепло, пахло весной и еще чем-то сладковатым. Центр города уже давно попрощался со снегом, вокруг было сухо и чисто. За закрытой дверью ресторана играла музыка, веселились люди, а здесь, на крыльце, было тихо и спокойно. Анна с удовольствием вдохнула свежий воздух и, слегка подняв голову, почувствовала на лице мягкое прикосновение теплого ветерка.

– Хорошо, правда? – тихо спросил Яковлев.

– Очень. – Одними губами прошептала Анна.

Подъехало такси.

Николай Матвеевич вдруг развернулся к Гореловой, крепко обнял ее.

– Эх, Анька, знала бы ты, как мне тебя будет не хватать!
И как я тебя люблю!

– Я тоже, Николай Матвеевич!

– Я серьезно тебе говорю! – Он слегка отстранился, не выпуская ее из объятий, заглянул Анне в глаза.

– И я серьезно.

– Ладно, я тебе, как всегда, верю. Ох, и жалко мне тебя тут оставлять. А в том, что я тебя к себе потом все равно перетащу – можешь даже не сомневаться. И мужика тебе хорошего найдем. Если сама здесь не найдешь, то я столичного жениха подберу.

– Ты, главное, сам как следует там устраивайся, я уж как-нибудь здесь поживу. Ладно, давай прощаться, а то машина уже ждет.

– Мы об этом еще поговорим. Позже.

И Яковлев снова сжал ее в объятьях, потом крепко поцеловал прямо в губы.

– Ну, давай уже, иди. Долгие проводы – лишние слезы.

Он посадил Анну в машину, заплатил водителю.

– Доставьте это сокровище в лучшем виде!

Таксист улыбнулся и кивнул.

– Сделаем.

* * *

Утро следующего дня началось с того, что она чуть не проспала. Вернувшись с банкета, Анна долго не могла уснуть. Крутилась в постели, передумала обо всем на свете,

начиная с самого вечера и заканчивая, как всегда, крахом ее благополучной жизни. Задремала под утро, да так, что даже звонок будильника не услышала.

Спасла мать от опоздания Любаша, которой в этот день нужно было ко второму уроку. Дочь проснулась от звонка своего телефона. Пошла умываться и, не услышав привычных звуков материных хлопот, заглянула к ней в спальню.

– Мам, ты еще спишь?

Анна подхватилась, как ошпаренная. Успев только умыться и, наспех расчесавшись, собрать волосы в хвост, она торопливо оделась. Взрослая дочь с улыбкой наблюдала за суетящейся матерью.

– Мам, ты, как в армии, честное слово. – Она глянула на часы. – У тебя даже есть пять минут, чтобы съесть бутерброд.

– Зайка, какой бутерброд!

– Нормальный, мам. Тем более что я его уже соорудила.

– Ты хоть сама-то поешь! Я на работе чем-нибудь перекушу.

– Мам, ты вполне успеешь. А наклеишься уж точно на работе. Я косметичку тебе в сумку положила. И свежий халат тоже там.

– Спасибо, умничка ты моя! И что бы я без тебя делала?

Анна и на самом деле успела проглотить бутерброд и чашку чая, и, схватив протянутую Любой сумку, поспешила из дома.

Горелова торопливо шагала по коридору больницы, ругая себя за то, что проспала. Первый день в новом качестве следовало бы начать не с суетливой беготни и ненакрашенного лица, а с нормального появления перед коллегами. Хотя коллеги сегодня тоже далеко не все будут выглядеть нормально. Если она сама ушла с банкета в одиннадцать, то многие вообще неизвестно во сколько оказались дома.

Так и вышло. В ординаторской уже вовсю пахло крепким кофе, а лица некоторых товарищей выглядели слегка помятыми. Некоторые вообще еще отсутствовали.

На ненакрашенную Анну глянули с пониманием, поздоровались приветливо, но не дружно. Она смутилась, почувствовав себя такой же, как и все, страдальцей. Усевшись за свой стол, Горелова полезла в сумку за халатом. И с удив-

лением заметила, что коллеги дружно уставились на нее.

– Что? – Анна выглянула из-за сумки.

– Анна Сергеевна, мы, конечно, непротив, но у вас теперь вроде бы как свой кабинет ...

Горелова замерла. Несколько пар глаз с удивление смотрели на нее.

– И что?

Весельчак Крымов с тяжелым вздохом поднялся и, налив в чашку горячий кофе, водрузил ее перед нею.

– На, попей и иди к себе. Приводи себя в порядок и начинай работать. Мы понимаем, что ты хочешь быть ближе к народу, но ты теперь наш начальник, так что изволь соответствовать. Пятиминутку проведем через полчаса, пусть все подтянутся.

Анна глянула на коллег. Те согласно закивали. Сунув пакет с халатом обратно в сумку, она встала со стула и, прихватив чашку с кофе, пошла на выход. В дверях она столкнулась с входящим Харламовым. Тот посторонился, пропуская ее. Стараясь не расплескать кофе, Анна замедлила ход.

– Здравствуйте, – темные глаза с любопытством разглядывали ее лицо.

– Здравствуйте. – Анна готова была сквозь землю провалиться от этого взгляда. – Пятиминутка через полчаса. – Брякнула она зачем-то, и шагнула в спасительный коридор.

Войдя в свой новый кабинет, Горелова закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, словно боясь, что кто-нибудь сейчас же шагнет за ней следом.

В кабинете все было привычно. Сколько уже лет она сживала здесь, вот за этим столом, обсуждая проблемы, решая разные дела или просто ведя душевные беседы с Яковлевым. Последние годы Анна еще и исполняла обязанности завотделения, когда он уходил в отпуск. Но даже в это время она никогда не занимала его кресла, садилась за общий стол. А теперь ей придется сидеть на другом месте, смотреть на всех с другой стороны, решать все проблемы уже самой...

Анна шагнула вперед, поставила чашку на край стола, положила рядом сумку. Блин, его нет еще только первое утро, а она уже так скучает по нему! Ну, Яковлев, ну удружил!

Через полчаса все собрались у нее. Народ явно пришел в себя, дамы подкрасили губы, от мужчин попахивало сигаретами и кофе. Сама Анна тоже привела себя в порядок и даже собралась с мыслями, и потому, оглядев всех, заговорила спокойно и четко:

– Доброе утро, уважаемые коллеги. Сегодня мы начинаем день вот с такого обновления. – Она положила ладони на стол, имея в виду себя на новом месте. – Но я очень надеюсь, что никаких других перемен в нашей работе больше не будет. Трудиться будем также слаженно, по крайней мере, я очень этого хочу.

Она снова взглянула на коллег. Все смотрели на нового начальника открыто и без тени насмешки. Это Анну успокоило и порадовало. Будем надеяться, что перемен к худшему действительно не будет.

– Ну что, тогда начнем, благословясь! – Она взялась за бумаги.

Ближе к полудню в кабинет заглянула Ниночка.

– Анна Сергеевна, я в буфет. Вам чего-нибудь надо?

Горелова оторвалась от очередного бланка, глянула

на часы.

– Ого, уже сколько времени! Да, Нина, принеси мне пару пирожков с яблоками.

– Чайник поставить?

– Нет, я сама.

Заглянув в шкаф, где у друга всегда было что и из чего выпить, Анна Сергеевна обнаружила на полке непочатую бутылку хорошего коньяка, а под ней записку от Яковлева. «Анька, привет! Будет грустно – причастись, да и за нашу дружбу можешь смело выпить. Я тебя люблю». В горле неожиданно запершило. Блин, Яковлев, как же долго я буду привыкать быть без тебя! Анна улыбнулась и нежно погладила холодный бок бутылки.

– Анна Сергеевна! – Ниночка уже вернулась с пакетом пирожков. – Представляете, наши-то вчера только в два часа из ресторана разошлись!

– По некоторым заметно. Хорошо еще ночь прошла спокойно. – Усмехнулась Горелова, берясь за чайник.

– О, да, это точно! Я и сама переживала!

Что ни говори, а болтушка Ниночка была операционной сестрой от Бога. Она работала в отделении третий год, но все уже давно убедились в ее ловкости и понятливости. Когда она работала с бригадой, ее язык словно терял способность шевелиться – она становилась молчаливой и сама вся обращалась в слух и внимание. Любого врача она понимала буквально с одного взгляда, появлялась там, где это требовалось, делала все быстро и аккуратно.

– А вы совсем рано ушли... – продолжала вещать Ниночка. – Я даже не заметила, подошла потом к столу, а вас уже и нет.

– Да, вы с Крымовым как раз танцевали.

– Ага. – Ниночкины глаза хищно блеснули. – А знаете, с кем наш новенький ушел?

Анна молча глянула на медсестру.

– С Регинкой, представляете? – Нина округлила глаза, изображая возмущение. – Она весь вечер от него ни на шаг. Так и вилась вокруг. Он всего пару раз и танцевал с другими, а так все она к нему липла.

– Нин, я не пойму, ты ревнуешь, что ли? – Горелова откусила пирожок.

– Я?! Зачем он мне? Хотя... он мужчина, конечно, очень интересный. – Щеки девушки порозовели. – Только Регинка эта, лиса, блин!

Девушка запнулась. Ни для кого в отделении не было секретом, что Регина Смирнова не отличается особым постоянством в отношениях с мужским полом. Но с тем, что на вчерашнем вечере они с Харламовым действительно были очень красивой парой, нельзя было не согласиться.

И, словно в подтверждение этому, уже ближе к вечеру, идя по коридору, Анна заметила вышедшего из палаты Харламова. Он направился к посту медсестры, но тут же был перехвачен неожиданно появившейся Региной. Они остановились и стали о чем-то довольно непринужденно беседовать. На прошедшую мимо Горелову ни он ни она даже не взглянули.

А вскоре Анне довелось узнать Харламова в деле. Накануне майских праздников к ней пришел Крымов и попросил поменять их с Иваном Николаевичем в графике дежурств на первое число. У Крымова приезжают теща с тестем, и ему

очень хотелось бы встретить их как подобает.

– С Харламовым я уже договорился, Анна Сергеевна, дело за тобой.

Анна глянула на график дежурств. Первого числа выпадает ее смена. Ну что же... Время, правда, не самое лучшее – начинаются большие выходные, к тому же праздники – народ дружно рванет на природу, да еще и с винцом и со всеми вытекающими. Пациентов в эти дни прибывает гораздо больше, чем обычно.

– Ладно, раз уж сам Иван Николаевич непротив.

– А чего ему быть против? Его дело холостяцкое, а у меня целая теща да еще с тестем! – Хохотнул Крымов.

Пока дежурить с Харламовым Анне не выпадало. В этот день у нее жутко разболелась голова. Проглотив таблетку, она прилегла на диван в кабинете. На столе лежал ворох недописанных бумаг, но ей пока было не до них. Позвонил сын. Она ждала их со снохой к себе на майские праздники, очень хотелось увидеть ребят, да и ее родители звали их всех к себе в гости.

Артем уточнил, что приедут они завтра вечером. Зная,

что мать после дежурства будет уставшая, он хотел дать ей отдохнуть и отоспаться. Да и дорога должна быть к этому времени посвободнее – большинство желающих покинуть столицу на праздничные дни поедет накануне. Поговорив с сыном, Анна прикрыла глаза, надеясь, что в ближайшее время ее больше никто не побеспокоит. Ее желание почти исполнилось – около получаса действительно никто не появлялся. Головная боль немного притупилась. Анна лежала, прикрыв глаза, и думала, что скоро у дочери выпускной, а они еще до сих пор не купили ей платье. Хотя, если завтра приедет сноха, то они могут втроем сходить по магазинам. Девчонкам легче будет понять друг друга. Сама Анна привыкла одеваться УДОБНО, и давать советы в выборе вечерних платьев вряд ли могла бы. На прошлой неделе Игорь звонил дочери, тоже спрашивал про подготовку к выпускному вечеру. Предлагал деньги. Люба рассказала об этом разговоре матери. Анна давно уже прикинула, что расходы на это мероприятие будут весьма внушительные, так что не стоит строить из себя неприступную гордячку, и решила деньги взять. Люба, несмотря ни на что, была такой же и его дочерью, почему теперь им отказываться от его помощи? Горелов, конечно, и так ежемесячно клал деньги Анне на кредитную карту – на алименты она при разводе не подала, они просто мирно договорились между собой. Анна задумалась – как он там, как вообще живет. Они не встречались со дня суда. Нельзя сказать, что Анна скучала по нему, но сейчас,

когда боль утихла, и эмоции улеглись, она вдруг задумалась о бывшем муже. Все-таки они прожили счастливо больше двадцати лет, и, если бы не вся эта гадость, продолжали бы быть счастливыми рядом друг с другом. А, может, Игорь и не был так счастлив с нею, раз полюбил другую... Любовь это у них там приключилась, или еще что, но только теперь на их долю выпали такие испытания, что никому не пожелаешь... Хорошо хоть у Горелова есть свой отлаженный бизнес, приносящий стабильный и немалый доход, а так было бы им совсем худо.

Анна осторожно повернула голову, посмотрела в окно. С утра небо хмурилось, даже дождик слегка накрапывал, когда она шла на работу. А сейчас на улице произошли явные перемены – облака уже не висели над землей сплошной завесой, стали более светлыми и пушистыми – так, пожалуй, и солнце скоро проглянет. Хотя на все выходные прогноз погоды был хороший, Любаша вчера предусмотрительно поглядела в Интернете и сообщила матери.

Май! Анна всегда любила этот светлый нежный месяц. Любила его за свежую листву, за мягкую изумрудную травку под ногами, за радостное пение птиц. Недалеко от их больницы был парк и оттуда порой доносились такие трели, что просто дух захватывало!

Анна поднялась с дивана. Голове стало намного легче, теперь можно жить. Она подошла к окну, повернула ручку, собираясь просто приоткрыть его, но потом подумала и распахнула раму совсем. В открытое окно сразу влетел свежий весенний воздух, приглушенные расстоянием звуки проезжающих машин и звонкий птичий гомон. Анна глубоко вдохнула и прикрыла глаза. Хорошо-то как! Весна! Отработать сегодня смену, а завтра приедут ребята и все вместе они поедут к ее родителям. Вот уж где можно всласть надышаться весенним воздухом, налюбоваться просыпающейся природой! Анна Сергеевна оперлась на руки, выглянула из окна. Кабинет находился на втором этаже, и откуда-то снизу донесся мужской смех.

– Ну, ты даешь! Смотри, поаккуратнее с такими вещами!

Ответа не последовало, и Анна поняла, что человек разговаривает по телефону. Она почему-то улыбнулась. Кому-то было весело и это радовало. Анна подняла голову. А небо и в самом деле начинало расставаться с облаками, в них появились разрывы, из которых, как из перевернутых колодезцев, на землю начинала плескаться пронзительная синева.

– Я тоже по тебе очень соскучился! – голос мужчины был наполнен нежностью. – Потерпи еще чуть-чуть, завтра увидимся. Я сразу же после смены поеду к тебе, так что будь

готова.

Ему, видимо, что-то сказали, потому что он снова рас­смеялся. Анна выглянула из окна. Чуть в стороне, на тро­пинке, прижав к уху трубку сотового телефона, стоял Хар­ламов. Анна замерла от неожиданности – почему-то его го­лос она не узнала сразу.

– Да понял я, понял! – Иван Николаевич стоял спиной к ней, но вдруг обернулся. Еще мгновение – и он поднял глаза. На лице его сияла счастливая улыбка.

Анна встретилась с ним взглядом, но тут же, словно оч­нувшись от оцепенения, выпрямилась и откачнулась от ок­на. Бог мой, как неудобно получилось! Подумает еще, что я его подслушиваю!

Она отошла от окна. Харламовская счастливая физио­номия так и стояла в ее глазах. Надо же, как светятся глаза у человека, когда он просто разговаривает с кем-то дорогим по телефону. Может быть, даже с Региной... Анна неволь­но прикинула, что Смирнова сегодня, вроде бы, не дежурит. Так что вполне может быть, что это с ней на завтра у хирурга назначено свидание. Счастливые люди! Анна грустно улыб­нулась.

Когда Горелова ближе к обеду вошла в ординаторскую, все были там. Операционная сестра Светлана Ивановна взяла очередную крохотную кофточку – в семье ее сына со дня на день ожидалось появление первой внучки. Интернет Сидельников, как и подобает молодому парню, наверняка мало спящему по ночам, дремал на диване. Харламов разгадывал кроссворд. Они молча глянули друг на друга, и он снова уткнулся в журнал.

– Денек начинает разгуливаться, да, Анна Сергеевна? – спросила Светлана Ивановна.

Горелова невольно покосилась на хирурга.

– На сегодня и обещали хорошую погоду, мне Люба еще вчера сказала, она в компьютере смотрела. Выходит – не обманули.

– Да, наш друг Интернет теперь здорово выручает, – кивнула медсестра. Ее ловкие пальцы закончили очередной ряд вязания, замерли. Она глянула на часы.

– Ого, скоро уже обед. Кушать будем? – Светлана Ивановна направилась из ординаторской. – Пойду-ка я за заваркой схожу, вроде кончилась у нас.

Анна Сергеевна посмотрела, как за нею закрылась дверь. Харламов поднял голову.

– Большая река в Северной Америке. – Темные глаза с любопытством смотрели на нее.

– Сколько букв?

– Девять, есть «И» – он заглянул в кроссворд, – пятая.

– Не знаю.

– А если хорошо подумать? – Харламов улыбнулся.

– Все равно не знаю. – Анна хотела сказать, что не собиралась его подслушивать, просто случайно выглянула в окно, но вдруг передумала.

– Вы всегда так легко сдаетесь? – с легкой насмешкой поинтересовался хирург.

Анна вспыхнула.

– С чего вы это взяли?

Харламов молча смотрел на нее. Глаза его с явным

интересом изучали ее лицо. Анна Сергеевна почувствовала, что краснеет. В голове на какое-то мгновение спутались все мысли.

– Ну, так как насчет реки?

– Что?!

– Миссисипи. Анна Сергеевна, это всего лишь Миссисипи. Голову даю на отсечение, что вы это название знаете.

«Оставьте свою голову себе!» – захотелось ей вдруг нагубить ему, но она сдержалась. «И что я на него злюсь, чего я теряюсь перед ним? Краснею, как дура!». Вернувшаяся с пачкой чая Светлана Ивановна спасла положение. Завязался нейтральный разговор, накрыли на стол. Подняли интерна, пообедали.

А ближе к вечеру привезли двух молодых парней. У одного было несколько глубоких порезов от «розочки» – разбитой до горлышка бутылки. Этого зашили быстро. А спустя полчаса на «скорой» привезли совсем зеленого паренька с ножевым ранением. История простая – отмечали праздник на природе – выпили – не поделили девчонку – схватились: один за шампур, другой за нож.

И вот уже с легкими шлепками на руки натягиваются резиновые перчатки, лица скрываются под масками. Анна Сергеевна смотрит на часы, проверяет реакцию пациента. Еще секунда.

– Начали.

Операция длилась почти три часа. Анна знала, что работы предстоит немало – раны были довольно серьезные, к тому же парень потерял много крови. Они боялись, что задето легкое. Слава Богу, лезвие прошло буквально в сантиметре от него. Но МИМО. А Харламов, и, правда, хорошо знал свое дело. Работал он четко, без суеты. Был бы сейчас на его месте балагур Крымов, наверняка не обошлось бы без какой-нибудь смешной истории. Иван Николаевич не шутил. Он вообще мало говорил, пока не убедился, что легкое цело. Да и потом стал лишь иногда что-то объяснять Сидельникову, сам что-нибудь спрашивал у него, кивал, соглашаясь с его ответом.

– Все, шьем. – Услышала наконец Анна. Глянула на часы. С начала операции прошло два с половиной часа. Неслабо.

Уже помывшись и переодевшись, Анна почувствовала невероятную усталость. Она побрела в ординаторскую, зная

наверняка, что там есть кофе и пачка сливок. Там была одна Светлана Ивановна, да и та беседовала с кем-то по телефону. «Где все?» – жестом спросила Анна Сергеевна. «Курят» – так же жестом ответила медсестра. Щедро насыпав в большой бокал кофе, Горелова плеснула кипятку, добавила сливок. Сунулась в сахарницу за песком, но там было пусто. Несладкий кофе ее сейчас не устраивал. Девятый час, все больничные торговые точки закрыты. Вспомнив, что видела в шкафу в своем кабинете открытую еще Яковлевым пачку рафинада, отправилась за ним. И наткнулась в коридоре на сидевшего на пуфике Харламова. Вытянув длинные ноги, он запрокинул голову, касаясь затылком стены, и закрыл глаза.

По всему было видно, что человек очень устал. Анна чуть не повернула обратно, но он, услышав ее шаги, приоткрыл глаза.

– Я помешала...

– Ничего страшного.

– Вы бы шли, отдохнули.

– Все нормально.

– Я думала – вы со всеми курите.

– Я вообще не курю. – Он подобрал ноги.

– Неужели? – Для нее это действительно было неожиданностью – почти все мужчины, да и некоторые женщины их отделения курили. Видимо, сказывалась нервная работа. Анна и сама немного пробовала дымить, правда, еще будучи студенткой. Но, к счастью, не понравилось, и, не успев втянуться, она с этим делом «завязала».

– А что вы так удивлены?

– Многие курят, особенно наши...

– Но вы ведь же тоже не курите.

– Пробовала, но не понравилось. – Анна пожала плечами.

– А у меня отец умер от рака легких, когда я был подростком. И я хорошо помню, как он мучился. – Сказал Иван Николаевич хмуро и снова прикрыл глаза.

– Извините. – Смутилась Анна.

– Не извиняйтесь, это было уже давно.

Мысли Анны Сергеевны снова вернулись к кофе. Она

же шла за сахаром в свой кабинет. Вспомнился подарок Яковлева, до сих пор стоявший нетронутым в шкафу.

– А хотите, я вас отличным коньяком угощу?

Харламов снова открыл глаза, чуть улыбнулся.

– Так уж и отличным? Знаете в нем толк?

– Уверена в человеке, который его подарил. – Парировала Горелова.

– А если я и в самом деле соглашусь?

– Так ведь и я не шучу.

– А как же дежурство?

– А я много не налью.

– Тогда пошли.

Открыв шкаф, Анна еще раз прочитала записку друга. Улыбнулась. Взяла с соседней полки два пузатеньких бокальчика и шоколадку.

– Разливайте, Иван Николаевич.

Харламов с интересом глянул на бутылку, слегка изогнул бровь, плеснул немного янтарной жидкости по бокалам.

– Ну, за что выпьем?

– Давайте за первый совместный труд. – Улыбнулась Анна.

– Давайте.

Чокнулись, пригубили коньяк.

– Ого, – одобрительно качнул головой хирург.

– Я же говорила! – Торжествующе улыбнулась Горелова.

– Действительно напиток божественный. Вас ценят, Анна Сергеевна.

– Спасибо.

Выпили еще по глотку. Густая маслянистая жидкость приятным теплом зажглась внутри. Харламов молчал, грея в руках бокал, Горелова тоже молча наблюдала за ним.

– А, что, Иван Николаевич, успели вы у нас освоиться? – Задала Анна Сергеевна вопрос, чтобы слегка «разбавить» тишину.

– Можно сказать, что да.

– Я, конечно, понимаю, что здесь не Москва, оборудование не то, уровень пониже, но коллектив у нас хороший.

– Коллектив отличный, тут вы правы. Только не понимаю, причем здесь Москва? Вы, насколько я знаю, сами туда в скором времени собираетесь, ведь так? – Он в упор взглянул на Анну.

– Ну, собираюсь, не собираюсь – это еще, как говорится, вилами на воде писано.

– Почему же?

– Не хочу. Можете мне не верить, но я на самом деле не хочу отсюда уезжать. Я привыкла здесь, всех знаю, меня все знают. И работу свою люблю. А что Москва? Шумно, суетно, привыкать, опять же, надо будет и к месту и к людям. Я вообще не очень люблю перемены, особенно те, которые необязательны.

– Ну почему? Вы же отличный специалист, а там перспектив больше. Опять же и для семьи откроются новые возможности. – Возразил Иван Николаевич.

– Для семьи? – Анна усмехнулась. – А сын у меня и так уже в Подмосковье живет, дочь тоже нынче школу оканчивает и к нему собирается. Уже и институт там выбрала, в какой документы подавать.

– Ну а вы с мужем?

– А мы с мужем недавно развелись. – Губы Анны чуть дрогнули, что не осталось незамеченным Харламовым. Он нахмурился.

– Вот теперь вы меня простите, я не знал.

Она просто кивнула в ответ, помолчала.

– Помните ту аварию, когда мы с вами впервые встретились?

– Конечно.

– Так вот это были мой муж и его любовница. И тогда я

впервые узнала, что он мне изменяет.

На несколько минут в кабинете повисло молчание.

– Не смогли простить?

Анна снова пригубила коньяк, не закусывая, подождала, пока во рту утихнет жжение.

– Не знаю. Может быть, со временем и простила бы. Но девушка осталась инвалидом, а ухаживать за ней было некому. Вот и пришлось сделать окончательный выбор...

Они оба замолчали, не глядя друг на друга. В кабинете снова стало ужасно тихо, только чуть слышно тикали часы на стене.

– Может тогда и в самом деле лучше уехать? Смена обстановки, новые люди – говорят, это помогает.

– Не знаю, может и помогает, но я сама честно НЕ ХОЧУ. Ну почему мне никто не верит?

Он улыбнулся.

– А если я скажу, что верю?

– Вы?

– Да, я.

– Ну... тогда мне станет гораздо легче! – Они оба рассмеялись. – Коварный коньяк, язык развязывает вчистую! Давайте еще по капельке и на сегодня хватит, а то я еще чего-нибудь наболтаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.